

СОНА СКОФИЛД

МУЖ по договору,
*любимый
навсегда*

Сона Скофилд

Муж по договору, любимый навсегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73550113

SelfPub; 2026

Аннотация

Он изменил мне так буднично, будто у предательства тоже есть расписание.

Один телефон на кухонном столе, одно чужое сообщение-и мой брак рухнул тише, чем чашка, поставленная на блюде.

Я думала, после такого женщины либо долго собирают себя по осколкам, либо совершают глупости.

Я сделала и то, и другое.

Чтобы выстоять, не остаться нищей, не дать бывшему мужу добить меня жалостью и удобной ложью, я согласилась на брак по договору с мужчиной, который с самого начала не обещал мне любви. Только уважение. Только честность. Только правила, которые должны были защитить нас обоих.

Я стала женой человека, которого не должна была полюбить.

Но именно рядом с ним впервые поняла, как страшно, когда тебя не используют, не ломают и не предадут а любят по-настоящему.

Только прошлое не отпускает так легко.

Бывший муж всё ещё считает меня своей.

Его мать уверена, что я разрушила семью слишком быстро.

Содержание

Глава 1. День, когда рухнул мой настоящий брак	5
Глава 2. Я осталась женой только на бумаге	20
Глава 3. Предложение, от которого нельзя было отмахнуться	36
Глава 4. Условия, которые должны были защитить нас обоих	53
Глава 5. Я подписывала бумаги, а дрожали руки	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сона Скофилд

Муж по договору, любимый навсегда

Глава 1. День, когда рухнул мой настоящий брак

Я всегда думала, что женщины узнают об измене как-то особенно.

По звонку среди ночи.

По чужой помаде на рубашке.

По фотографии, которую “случайно” присылает добрая подруга с плохими новостями.

По запаху чужих духов, который нельзя перепутать ни с чем.

У меня всё случилось унизительно, буднично и тихо.

В тот вечер я стояла на кухне и резала яблоки для шарлотки. Не потому, что мне ужасно хотелось печь в среду после работы, а потому, что иногда человеку нужен хоть какой-то порядок. Когда жизнь держится на нитках, начинаешь цепляться за мелочи: ровные дольки, чистую форму, привычный аромат корицы. Мне казалось, если я успею поставить

пирог в духовку до того, как закипит чайник, вечер ещё можно будет спасти.

Смешно.

Спасать там было уже нечего.

Телефон Максима лежал на столе экраном вниз. Он никогда не оставлял его рядом со мной. Никогда. Даже в туалет уходил с ним, как с внутренним органом, который нельзя отделять от тела. А тут бросил возле сахарницы и вышел на лестничную площадку – якобы поговорить с соседом про парковочное место.

Я ещё тогда подумала: странно.

Не тревожно. Не страшно. Просто странно.

Экран загорелся беззвучно – вспышкой света в полутёмной кухне. Я увидела не имя, а только начало сообщения.

“Я скучаю. Сегодня ты был...”

Нож остановился в моей руке так резко, что яблочная долька выскользнула и шлёпнулась на столешницу. Я смотрела на телефон и чувствовала, как внутри меня поднимается что-то тяжёлое, холодное и очень старое. Даже не ревность. Не боль. А будто организм раньше меня всё понял и теперь просто ждал, когда до меня наконец дойдёт.

Я не взяла телефон сразу.

Вот что странно: до самого последнего момента человек хочет остаться невиновным. Даже перед правдой. Даже перед собой. Пока ты не открыл сообщение – ты ещё приличная жена, которая уважает личные границы. Пока ты не по-

смотрел – у тебя всё ещё может оказаться просто глупое совпадение, дурацкая шутка, рабочая переписка с неудачной формулировкой. Пока ты не ткнул пальцем в чужой экран – брак ещё стоит, пусть и на подпорках.

Но я ткнула.

Наверное, потому что устала быть хорошей.

На экране всплыл чат. Без сердечек, без “любимый”, без пошлых псевдонимов. Просто – **Лена**.

Я даже узнала её не сразу. Лена была из его офиса. Я видела её дважды на корпоративных фотографиях: светлые волосы, слишком белая улыбка, привычка наклонять голову, как будто весь мир должен был подстроиться под удобный ей угол. Ничего особенного. Таких женщин мужчины обычно называют “лёгкими”, а жёны – “опасными” только тогда, когда уже поздно.

Сообщений было много.

Я не читала всё. Не пришлось.

Хватило нескольких.

“Я еле доехала домой после тебя.”

“Она ничего не замечает?”

“Ты вчера был злой. Из-за неё?”

И последнее, свежее, которое я уже видела в уведомлении:

“Я скучаю. Сегодня ты был со мной совсем другим.”

Я перечитала его три раза. Потом ещё один. Не потому, что не поняла. Просто мозг отказывался принимать обычность этих слов. В них не было драмы. Не было даже любви.

Только привычка. Повторение. Второй этаж жизни, о котором я не знала, пока на первом мыла кружки, платила коммуналку и покупала его матери подарки к праздникам.

Чайник щёлкнул.

Этот звук я запомнила особенно ясно.

Будто что-то внутри меня тоже дошло до точки кипения – и отключилось.

Я положила телефон на место очень аккуратно. Аккуратнее, чем ставят иконы. Потом вытерла руки полотенцем. Потом посмотрела на яблоки. Потом на тесто. Потом в окно, где в стекле отражалась моя кухня: жёлтый свет, тёмные шкафчики, женщина в домашней футболке, которой через несколько секунд предстояло узнать, что её жизнь закончилась уже давно – просто официальное уведомление пришло только сейчас.

Дверь открылась.

Максим вошёл, слегка поёживаясь от сквозняка, стряхнул с рукава невидимую пыль и спросил так спокойно, будто ничего не произошло:

– Чай готов?

Я повернулась к нему и в этот момент увидела его лицо по-настоящему.

Не красивое, не родное, не уставшее после работы – как я привыкла думать. А чужое. Слишком собранное. Слишком уверенное. Лицо мужчины, который давно живёт в двух реальностях и в одной из них научился врать без запинки.

– Кто такая Лена? – спросила я.

Ни дрожи. Ни слёз. Ни предисловий.

Просто вопрос.

Он застыл. Не сильно. На долю секунды. Но я увидела.

И именно это меня добило.

Не гнев, не попытка возмутиться, не честное признание. А эта короткая пауза человека, который мгновенно пересчитывает варианты, оценивает риски и выбирает удобную ложь. Вот в ту секунду мой брак и рухнул окончательно. Не когда он спал с ней. Не когда писал ей из машины. Не когда возвращался ко мне и ложился рядом. А когда замолчал, решая, кем ему выгоднее быть в ближайшие пять минут.

– Ты лазила в моём телефоне? – спросил он.

Конечно.

Именно это было главным.

Не женщина. Не предательство. Не месяцы лжи. А мой палец на его экране.

Я смотрела на него и чувствовала, как во мне что-то застывает. Навсегда. Без шансов отогреть.

– Кто. Такая. Лена?

Он отвёл взгляд, снял куртку, повесил её на спинку стула и только потом ответил:

– Коллега.

Я даже улыбнулась.

Господи, как же быстро умирает уважение.

Ещё утром я выбирала ему хороший кофе, потому что

его любимый закончился. Ещё днём переслала ему фото новой рубашки и спросила, брать синюю или серую. Ещё вчера гладила наволочки и думала, что надо бы в выходные поговорить спокойно – без ссор, без взаимных претензий, как взрослые люди, которые устали, но всё ещё семья.

А сейчас передо мной стоял мужчина, который решил, что меня можно оскорбить словом “коллега” после того, как его любовница написала, что скучает по нему после секса.

– Коллега пишет, что скучает по тебе после работы? – спросила я тихо.

Он поморщился.

Не от стыда. От того, что разговор стал неудобным.

– Не начинай.

Вот это “не начинай” я потом ещё долго вспоминала. Как приговор всем нашим годам. Будто я была не женой, а плохой погодой, которая опять не вовремя испортила ему вечер.

– Я начинаю? – переспросила я. – Серьёзно?

– Давай без истерик.

– А это истерика?

– Алина...

Когда мужчина произносит твоё имя таким тоном, это всегда значит одно: сейчас он будет объяснять тебе твою же боль так, чтобы виноватой вышла ты.

Я подошла к столу и взяла его телефон. Разблокировать он уже не успел бы – я держала экран перед ним, как улику.

– Она спрашивает, ничего ли я не замечаю. Это давно?

Он шумно выдохнул и провёл ладонью по лицу.

– Не надо устраивать спектакль.

Спектакль.

Я кивнула.

Конечно. Спектакль. Значит, его роман – это жизнь, а моя реакция – постановка для бедных.

– Это давно? – повторила я.

Он молчал.

Я впервые в жизни поняла, что молчание может бить сильнее слов. Если бы он закричал, если бы нагрубил, если бы даже сказал что-то жестокое – это было бы живое, человеческое. Но он выбрал именно это: усталую паузу мужчины, которого отвлекли от ужина неприятной, но не смертельной формальностью.

И в этой паузе оказалось всё.

Да. Давно.

Да. Не случайно.

Да. Он возвращался ко мне после неё.

Да. Ложился рядом.

Да. Ел мою еду.

Да. Смотрел мне в глаза и спрашивал, как прошёл день.

Меня затошнило.

Я поставила телефон обратно. Очень медленно, чтобы не выдать, как у меня дрожат пальцы.

– Сколько? – спросила я.

– Что сколько?

– Не унижай меня ещё сильнее.

Он закрыл глаза на секунду и сел на стул, как человек, которому предстоит тяжёлый, но привычный разговор.

– Несколько месяцев.

Несколько месяцев.

Не ошибка. Не срыв. Не “я был пьян”. Несколько месяцев моего брака уже принадлежали другой женщине, а я продолжала покупать новые полотенца в ванную и думать, что у нас просто сложный период.

Я вдруг села напротив него. Ноги перестали держать. Между нами стояли яблоки, миска с тестом и наш тихий семейный быт, который теперь выглядел как декорация дешёвого спектакля.

– Почему? – спросила я.

До сих пор не знаю, зачем женщины задают этот вопрос. Наверное, потому что надеются: если услышат причину, станет не так больно. Будто предательство можно объяснить и тем самым уменьшить.

Он пожал плечами.

– У нас давно всё плохо.

Я кивнула.

Вот и всё.

Не “я виноват”.

Не “прости”.

Не “я запутался”.

А прекрасное мужское “у нас”.

Когда изменяет один, виноваты почему-то всегда двое.

– У нас? – переспросила я. – То есть это мы с ней спали?

– Алина, перестань.

– Нет, это ты перестань. Не надо делить со мной то, что сделал ты.

Он поджал губы. Я видела, что ему неприятно. Не больно. Не стыдно. Именно неприятно. Как будто он рассчитывал на более мягкий разговор, на слёзы, на обиду, на женское “чем она лучше меня?”, после которого можно было бы устало сказать, что дело не в этом, и свести всё к кризису отношений.

Но во мне в тот момент будто выключили одну важную функцию: желание спасти мужчину даже тогда, когда он ломает тебе жизнь.

– Ты её любишь? – спросила я.

И только тогда он посмотрел мне прямо в глаза.

Лучше бы не смотрел.

Потому что я увидела в этом взгляде не любовь к ней. И не любовь ко мне. А раздражение человека, которого заставили выбирать слова в ситуации, где он хотел бы обойтись без них.

– Я не знаю, – сказал он.

Это было даже хуже.

Если бы он сказал “да”, я могла бы ненавидеть его. Если бы сказал “нет”, могла бы презирать. Но это мужское “не знаю” всегда значит одно: мне удобно не определяться, пока вы тут живые люди истекаете чувствами.

Я встала.

Подошла к раковине.

Открыла воду, хотя мне не нужно было ничего мыть. Просто хотелось слышать хоть какой-то шум, кроме его голоса и собственного дыхания. Вода бежала по металлу, а я смотрела на свои руки и думала о странной вещи: вот этими руками я застёгивала ему пуговицы на рубашке, когда он торопился на встречу. Этими руками держала его за плечи, когда умер его отец. Этими руками накрывала на стол, покупала лекарства, выбирала плитку в ванную, стирала кровь с его лба, когда он однажды упал с велосипеда на даче.

И этими же руками сейчас опиралась о холодную мойку, чтобы не упасть.

– Я не хотел, чтобы ты так узнала, – сказал он.

Я закрыла глаза.

Как благородно.

Мужчина изменяет тебе несколько месяцев, а потом очень расстраивается, что ты раскрыла это без его красивого сценария.

Я обернулась.

– А как ты хотел? После отпуска? Перед Новым годом? Когда мне будет удобнее? Или когда она сама устанет ждать, пока ты определишься?

Он резко встал.

– Хватит.

– Нет, это тебе хватит.

Я впервые повысила голос, и он, кажется, удивился сильнее, чем тому, что я всё знаю.

– Ты месяцами делал из меня дуру, а сейчас стоишь и разговариваешь со мной так, как будто я мешаю тебе спокойно закончить рабочий день. Ты даже не просишь прощения. Ты вообще слышишь себя?

– А что изменит это “прости”? – бросил он.

И вот тут всё закончилось окончательно.

Понимаешь не головой – телом. Кожей. Горлом. Сердцем. Чем-то древним внутри. Когда стоящий напротив человек задаёт вопрос, что изменит его извинение, ты больше не жена. Не любимая. Даже не обманутая женщина. Ты просто неудобный свидетель его подлости.

Я вытерла руки о полотенце. Хотя руки были сухими.

– Ничего, – сказала я. – Уже ничего.

Он посмотрел на меня настороженно. Наверное, ждал слёз. Или тарелки в стену. Или великодушного женского падения к ногам правды: “Давай попробуем всё спасти”. Мужчины, которые изменяют долго и уверенно, почему-то часто уверены, что жена всё равно будет бороться за брак. Будет помнить ипотеку, родителей, годы, привычки, фотографии с моря, общих друзей и кота, если он есть. Будет спасать дом даже после того, как в него принесли грязь.

Но я в тот вечер впервые не хотела ничего спасать.

Мне было тридцать шесть. Не восемнадцать. Не двадцать два, когда любовь кажется последним шансом на счастье.

В тридцать шесть ты уже знаешь цену унижению. Знаешь, как потом оно прорастает в голосе, походке, взгляде на себя в зеркале. Знаешь, что можно простить многое – грубость, слабость, страх, бедность, усталость, ошибки. Но нельзя жить рядом с мужчиной, который смотрит на твою боль как на логистическую проблему.

Я выключила воду.

На кухне сразу стало слишком тихо.

– Ты уйдёшь сегодня? – спросила я.

Он нахмурился.

– Это моя квартира тоже.

Вот. Конечно.

Даже в этот момент он не мог не напомнить мне о материальном. О квадратных метрах. О праве собственности. Будто не он только что оказался моральным бомжом посреди собственного брака.

– Тогда уйду я, – сказала я.

– Куда?

Какой заботливый вопрос.

Я даже не ответила.

Прошла мимо него в спальню. Открыла шкаф. Достала дорожную сумку, которую мы когда-то покупали для поездки в Прагу. Смешно, как вещи переживают чувства. Сумка была крепкая, качественная, почти новая. Наш брак – нет.

Я складывала одежду без системы: свитер, джинсы, бельё, косметичка, зарядка, документы. Максим стоял в дверях и

смотрел.

Не помогал.

Не останавливал.

Не просил не уходить.

Только смотрел.

– Ты серьёзно сейчас поедешь неизвестно куда ночью? – спросил он.

Я застегнула сумку.

– А ты серьёзно спрашиваешь это после всего?

Он отвернулся.

– Я не хочу сейчас скандала.

– А я не хочу сейчас видеть твоё лицо.

Это было грубо. Но в тот момент грубость была единственным, что осталось у меня своего.

Я взяла пальто, шарф, сумку. Проверила телефон. Ключи. Кошелёк.

Остановилась в прихожей.

Он вышел следом.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга – мужчина, с которым я прожила почти девять лет, и женщина, которая только сегодня поняла, что последние месяцы жила не с мужем, а с его аккуратно одетым отсутствием.

– Алина, – сказал он уже другим голосом. Тише. Мягче. – Давай не будем принимать решений сгоряча.

Вот так всегда.

Сначала тебя режут по живому, а потом просят не прини-

мать решений на эмоциях.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что запомню его именно таким: в домашней футболке, босиком, чуть раздражённым, чуть уставшим, осторожно-рассудительным. Не чудовищем. Не злодеем. И от этого было только страшнее. Потому что самые страшные предательства совершают не монстры. А обычные мужчины, которые просто решили, что им можно.

– Это решение не сгоряча, – сказала я. – Оно просто дошло до меня сегодня.

Я открыла дверь.

На лестничной площадке пахло пылью, холодным подъездом и чьим-то ужином. Обычный запах обычной жизни. Как будто мир не заметил, что у меня только что рухнуло всё.

– Ты вернёшься? – спросил он.

Я обернулась.

И впервые за весь вечер почувствовала не боль.

Пустоту.

Страшную, ровную, белую пустоту, в которой больше не было ни надежды, ни истерики, ни желания что-то доказать.

– Не знаю, Максим, – сказала я. – Ты же понимаешь, это очень удобный ответ.

И закрыла дверь.

На улице моросил мелкий дождь. Я стояла под фонарём с сумкой в руке и не сразу поняла, куда идти. К маме – нельзя, она сразу начнёт плакать и давать советы, от которых хо-

чется умереть ещё раз. К подружке – стыдно. В гостиницу – слишком одиноко. В машину – я не могла сесть за руль, у меня дрожали колени.

Я просто пошла вперёд.

Без плана.

Без дома.

Без мужа.

Без той жизни, которую ещё утром считала своей.

Телефон в кармане завибрировал почти сразу. Я достала его на автомате. Сообщение было не от Максима.

От Нины.

Старшей сестры моего отца, женщины, которую вся семья за глаза называла железной. Мы общались редко, но всегда точно. Без лишних слов, без фальши.

“Если ты ещё не спишь, позвони. У меня к тебе серьёзный разговор. Это касается твоего будущего.”

Я остановилась прямо посреди мокрого тротуара и уставилась в экран.

Будущего.

Какого именно, я тогда ещё не знала.

Но в ту ночь, когда рухнул мой настоящий брак, жизнь, как выяснилось, только собиралась предложить мне второй.

Глава 2. Я осталась женой только на бумаге

Я позвонила Нине Павловне не сразу.

Сначала дошла до круглосуточной кофейни возле проспекта, где по ночам сидели таксисты, студенты с ноутбуками и женщины с лицами, на которых не хотелось задерживать взгляд. Я взяла самый горький кофе, какой у них был, и устроилась у окна. Пить его было невозможно, но горячий бумажный стакан держал мне ладони лучше любых утешений.

На улице блестел мокрый асфальт. Машины шли редкими полосами света. Люди спешили под зонтами, и у каждого, казалось, была какая-то цель, адрес, человек, к которому можно было прийти. А я сидела и пыталась привыкнуть к мысли, что домой мне больше некуда.

Телефон лежал передо мной экраном вверх.

Сообщений от Максима было два.

“Где ты?”

И через семь минут: **“Ответь, чтобы я понимал, что с тобой всё нормально.”**

Я смотрела на эти строчки и не чувствовала ничего, кроме усталости. Не злости даже. Просто пустой, тянущей усталости, которая приходит, когда весь организм много часов

подряд держал удар, а теперь начал сдавать.

Я открыла чат с Ниной Павловной и нажала вызов.

Она ответила после второго гудка.

– Наконец-то, – сказала она своим сухим, ровным голосом. – Ты где?

Нина Павловна никогда не начинала разговор с ласки. В детстве я её за это побаивалась. Во взрослом возрасте – уважала сильнее многих.

– В кофейне, – ответила я. – Недалеко от дома.

– Одна?

– Да.

Пауза была короткой.

– Что случилось?

Я закрыла глаза.

Вот и всё. Вот он, этот момент, когда правда из внутренней катастрофы превращается в произнесённые слова. Пока ты молчишь, тебе кажется, что всё ещё можно как-то запихнуть обратно, не признавать, переждать. Но стоит выговорить – и мир меняется окончательно.

– Максим мне изменяет, – сказала я.

Удивительно, но мой голос не дрогнул.

На другом конце повисла тишина. Не шок. Не сочувственный вздох. Просто тяжёлая, взрослая тишина человека, который не удивлён человеческой подлостью.

– Ты уверена? – спросила она.

– Да.

– Узнала сегодня?

– Да.

– Он признал?

– Скорее не стал нормально отрицать.

– Понятно.

И только после этого в её голосе впервые появилось что-то мягче металла.

– Ты сейчас ко мне приедешь.

– Нет, – сказала я слишком быстро. – Я не хочу никого видеть.

– Алина, не начинай.

Я даже горько усмехнулась. Удивительно: как у хороших людей и у плохих могут одинаково звучать одни и те же слова, а значить – противоположное.

– Я правда не хочу сейчас ехать к родственникам, отвечать на вопросы, ночевать на чужом диване...

– Тогда слушай внимательно, – перебила она. – У меня есть для тебя конкретное предложение. И оно требует не слёз, а головы.

Я выпрямилась.

С Ниной Павловной никогда не бывало “просто поговорить”. Если она звонила ночью и говорила про будущее – значит, у неё уже что-то созрело.

– Я слушаю.

– Помнишь Андрея Воронцова?

Имя было знакомое, но не сразу легло в память.

Потом я вспомнила.

Высокий мужчина лет сорока с лишним, тёмные волосы, спокойный взгляд. Я видела его несколько раз на юбилее у Нины Павловны и ещё однажды в ресторане на семейном ужине, куда он заезжал ненадолго по какому-то делу. Кажется, он занимался недвижимостью или юридическим сопровождением крупных сделок – я не вникала. Запомнила только, что он говорил негромко, никого не перебивал и производил странное впечатление человека, который давно всё понял про жизнь и поэтому не суетится.

– Смутно, – ответила я. – А что?

– Ему нужна жена.

Я даже рассмеялась.

Не потому, что было смешно. Просто организм иногда защищается нелепостью.

– Простите?

– Формально. На определённый срок. По договорённости. Без романтических глупостей. Ему нужен официальный брак для одного вопроса, который я сейчас не буду объяснять по телефону. Всё чисто, законно и с понятными условиями.

Я медленно поставила стакан на стол.

– Вы сейчас серьёзно?

– Более чем.

– В ту ночь, когда я узнала, что муж мне изменяет, вы предлагаете мне выйти замуж за другого мужчину?

– Я предлагаю тебе выход из положения, в котором ты всё равно окажешься очень скоро, – сказала Нина Павловна. – Потому что если ваш с Максимом брак развалился, а судя по твоему голосу, он именно развалился, дальше начнётся то, к чему ты не готова. Делёжка, репутация, жильё, финансовая неустойчивость, разговоры. Ты до сих пор живёшь как женщина, которая верит, что личное можно аккуратно сложить в коробку и никому не показывать. Так не бывает.

Я молчала.

Слова “репутация” и “разговоры” меня бы, наверное, задели меньше в двадцать пять. Но в тридцать шесть я уже знала, как быстро чужая беда становится для окружающих развлечением. Особенно если женщина не просто разводится, а выглядит при этом не победительницей, а брошенной.

– Почему я? – спросила я.

– Потому что ты взрослая, не глупая и умеешь держать лицо. И потому что Андрей не ищет роман. Ему не нужна девочка с амбициями, капризами и мечтой срочно влюбиться. Ему нужна женщина, с которой можно заключить честную сделку. А тебе, возможно, нужен не очередной красивый мужчина, а время и опора.

Я откинулась на спинку стула.

Внутри всё ещё жила боль от Максима, острая, как осколок под сердцем. Но на эту боль уже наслаивалось что-то ещё – почти обидное ощущение, что мир не даст мне даже двух суток порыдать в темноте, прежде чем выставит новый счёт.

– Я ещё не развелась, – сказала я.

– И не разведёшься завтра. Но жить рядом с изменившим мужем ты тоже не сможешь. А если сможешь, то зря.

Я перевела взгляд на окно.

Мимо прошла девушка в длинном светлом пальто, быстро, уверенно, будто знала, где её ждут. Мне вдруг стало тяжело дышать.

– Я не понимаю, почему вы вообще решили, что мне это может быть нужно.

– Потому что я слишком хорошо помню твой первый брак в миниатюре ещё до сегодняшнего вечера, – спокойно ответила Нина Павловна. – Максим давно перестал смотреть на тебя как на женщину, которую боится потерять. Ты старалась этого не замечать. Я – замечала. И ещё потому, что Андрей – человек слова. А после таких мужчин, как твой, женщине иногда полезно хотя бы постоять рядом с тем, кто не юлит.

Это прозвучало слишком точно.

Я резко выдохнула.

– Вы давно это придумали?

– Не для тебя конкретно. Ситуация появилась недавно. Я просто поняла, что ваши интересы могут совпасть.

– Как удобно.

– Жизнь вообще редко действует красиво, Алина. Обычно она действует вовремя или невовремя. И сейчас у тебя как раз тот момент, когда надо думать не о гордости, а о том, на чём ты будешь стоять через месяц.

Я закрыла глаза ладонью.

Голова гудела. Кофе остыл. Внутри всё перемешалось: измена, мокрая улица, пустая ночь, имя мужчины, которого я едва помнила, слово “жена”, произнесённое так деловито, будто речь шла о доверенности.

– Я не могу это обсуждать сейчас, – тихо сказала я.

– Можешь не обсуждать, – ответила она. – Просто приезжай ко мне завтра к одиннадцати. Я буду не одна. Сядешь, послушаешь, уйдёшь, если не захочешь. Никто тебя в ЗАГС за руку не потащит.

– С ним?

– С ним.

Я молчала.

– Алина, – сказала Нина Павловна уже мягче, – сегодня ты думаешь, что у тебя рухнула вся жизнь. Возможно, так и есть. Но это не значит, что на её месте нельзя построить что-то более честное.

После этих слов я почему-то чуть не заплакала впервые за вечер. Не от жалости к себе. От того, что она не стала утешать меня фразами про “всё наладится”. Просто предложила сесть и строить заново. Как взрослому человеку после пожара.

– Хорошо, – сказала я. – Я приеду.

– Вот и умница. А сейчас отправь мне адрес, где ты будешь ночевать.

– Я ещё не знаю, где буду ночевать.

– Тогда узнаешь в ближайшие пятнадцать минут и напишешь. Иначе я сама за тобой приеду.

– Не надо.

– Тогда решай.

Она отключилась.

Я положила телефон на стол и несколько секунд сидела неподвижно. Потом взяла его снова и открыла список контактов. Листала долго, будто там мог появиться кто-то новый, предназначенный специально для таких ночей.

В конце концов я написала Кате.

Мы дружили ещё со времён, когда жизнь казалась податливой глиной: институт, дешёвое вино на кухне, разговоры до утра о том, какими мы точно никогда не станем. Катя стала дизайнером интерьеров, развелась раньше меня на четыре года и с тех пор говорила о мужчинах без иллюзий, но без злобы. Из всех людей в моём окружении именно она умела не жалеть, а собирать.

Ответила она мгновенно.

“Приезжай. Дверь открою. Ничего не спрашиваю.”

Вот за это я её и любила.

Я отправила адрес Нине Павловне, вызвала такси и только в машине впервые позволила себе посмотреть чат с Максимом ещё раз.

К третьему сообщению он уже нервничал.

“Ты где?”

“Ответь.”

“Это ненормально – исчезать ночью.”

“Я не собираюсь сейчас это обсуждать по переписке.”

Я почти рассмеялась.

Разумеется. Изменять жене несколько месяцев – нормально. А уйти ночью после этого, не расписав маршрут движения, – ненормально.

Я напечатала только одно слово:

“Жива.”

Он прочитал сразу, но больше не написал.

Катя жила одна в новой квартире на Васильевском острове – светлой, умной, слишком аккуратной для женщины, у которой когда-то был тяжёлый развод. Когда она открыла дверь, на ней были серые спортивные штаны, чёрная футболка и то самое выражение лица, с которым хорошие подруги принимают не гостей, а последствия чужих решений.

Она ничего не спросила. Просто забрала у меня сумку, повела на кухню и поставила чайник.

– Вино? – спросила она.

– Нет.

– Хорошо. Значит, ты пока ещё держишься на злости.

Я села на стул и вдруг поняла, как зверски устала.

– Он мне изменяет, – сказала я.

– Конечно, – спокойно ответила она.

Я подняла на неё глаза.

– Что значит “конечно”?

Катя пожала плечами.

– Это не значит, что я знала. Это значит, что мужики почти всегда предсказуемее, чем нам хочется верить. Ты в последние месяцы выглядела не как жена счастливого мужчины, а как женщина, которая всё время объясняет себе его холодность усталостью.

Я опустила взгляд.

Да. Именно этим я и занималась.

Объясняла.

Он отдалился – потому что много работы.

Стал раздражительным – потому что возраст, стресс, ответственность.

Перестал прикасаться лишний раз – потому что у всех пар так бывает.

Начал прятать телефон – потому что важные проекты.

Перестал смотреть в глаза – потому что просто устал.

Как много унижений женщина может назвать “сложным периодом”, пока не увидит сообщение от любовницы.

Катя поставила передо мной чай.

– Ты уже решила, что будешь делать?

– Нет.

– Разводиться?

– Наверное.

– Наверное – плохое слово, Алина.

– Я знаю.

Она села напротив.

– Только не говори мне, что собираешься сначала “всё обсудить спокойно”.

– Я не знаю, что собираюсь, – честно сказала я. – У меня ощущение, будто меня ударили по голове, а потом попросили заполнить документы.

Катя кивнула.

– Нормальное ощущение. Но слушай меня внимательно. Самый опасный этап – это не сам факт измены, а следующие недели. Когда мужчина уже виноват, но ещё не понёс за это ни одного реального последствия. Вот тогда он особенно хорошо умеет делать вид, что ситуация сложная у вас обоих, а не грязная – у него.

Я вздрогнула, вспомнив его “у нас давно всё плохо”.

– Он уже начал, – тихо сказала я.

– Конечно начал. И дальше будет лучше. Сначала – разговоры про кризис. Потом – про то, что ты отдалилась. Потом – про то, что он запутался. Потом – про жильё, деньги и удобство. А если почувствует, что ты правда уходишь, может даже красиво пострадать. Не ведись.

Я сжала ладони вокруг чашки.

– Мне Нина Павловна звонила.

Катя подняла брови.

– Ночью? Это тревожный знак для всех окружающих.

– Она предложила мне... странную вещь.

– Насколько странную по десятибалльной шкале?

Я выдохнула.

– Брак по договорённости.

Катя молча уставилась на меня.

Потом медленно переспросила:

– Прости, что?

– Есть какой-то мужчина. Ему нужна официальная жена на время. Всё законно, всё с условиями, всё холодно и рационально. Нина считает, что мне это может быть выгодно.

Катя несколько секунд смотрела на меня так, будто решала, не сплю ли я наяву.

– Либо я недооценивала твою семью, либо у вас там вообще другой жанр жизни, – сказала она наконец.

Я слабо усмехнулась.

– Вот и я примерно так же отреагировала.

– И что за мужчина?

– Андрей Воронцов. Ты не знаешь его?

– Нет. Но звучит как человек, который либо очень богат, либо очень опасен, либо и то и другое.

– Почему?

– Потому что мужчины с такими именами редко просят что-то “формально” без серьёзной причины.

Я провела ладонью по лбу.

– Я поеду завтра к Нине. Просто послушать.

– Правильно, – неожиданно спокойно сказала Катя.

Я моргнула.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. Слушать – не значит соглашаться. Но после

такого вечера я бы с интересом послушала вообще любой вариант будущего, в котором ты не сидишь в кухне напротив изменщика и не спрашиваешь, любит ли он её.

С этими словами она попала в самую болезненную точку.

Потому что я действительно уже успела представить завтрашнее утро. Мне придётся вернуться. Не сразу, но вернуться. За вещами, документами, ноутбуком, зарядкой, своей жизнью. Придётся снова увидеть Максима. Придётся говорить. Возможно, спать под одной крышей, пока мы решаем, что делать с квартирой и браком. Придётся завтракать в доме, где он писал другой женщине. И мысль об этом вызывала во мне не только отвращение – почти физический ужас.

Катя словно прочитала это по моему лицу.

– Ты ведь понимаешь, что прямо завтра всё не закончится? – тихо сказала она.

– Понимаю.

– Ты пока всё ещё его жена. По документам, по адресу, по общему быту. Самое мерзкое начинается именно здесь. Когда любви уже нет, доверия нет, а штамп и стены ещё есть.

Я кивнула.

Вот оно. Точное определение моего нового состояния.

Не замужем. Не свободна. Не любимая.

Просто жена только на бумаге.

Этой ночью я почти не спала.

Катя постелила мне в гостевой комнате – если можно назвать гостевой комнатой маленькое светлое помещение с ди-

ваном, книжным стеллажом и большим окном в тихий двор. Я лежала в темноте, смотрела в потолок и снова и снова прокручивала кухню: яблоки, телефон, чайник, лицо Максима, его усталое “не начинай”, моё “кто такая Лена?”, его “у нас давно всё плохо”.

В четыре утра я всё-таки открыла сообщения от него.

Новых было ещё три.

“Нам нужно спокойно поговорить.”

“Я не хочу, чтобы ты всё ломала на эмоциях.”

“Вернись домой, переночуем и завтра обсудим.”

Домой.

Как быстро мужчины присваивают себе право на слово “дом”, даже когда сами превращают его в место, где женщине нечем дышать.

Я не ответила.

Утром я проснулась с тяжёлой головой и ощущением, будто за ночь мне выдали другое лицо – старше, суше, жёстче. Катя уже ушла по делам, оставив на кухне записку:

“Ешь. Пей воду. Не давай ему вести разговор на его условиях.”

Я улыбнулась впервые за сутки.

Потом пошла в душ, надела тёмно-синее платье, в котором обычно чувствовала себя собранной, убрала волосы в низкий хвост и посмотрела на себя в зеркало.

Внешне почти ничего не изменилось.

Те же скулы. Те же тени под глазами. Те же руки, которые

автоматически потянулись поправить воротник.

Но внутри меня уже не было той женщины, что два дня назад спорила в магазине, брать ли домой зелёные яблоки или красные.

В одиннадцать без десяти я поднялась по ступеням старого дома Нины Павловны. Она жила в центре, в квартире с высокими потолками, тяжёлыми шторами и вечным ощущением, что здесь слишком много помнят. Открыла мне сама.

Осмотрела с ног до головы. Коротко кивнула.

– Выглядишь лучше, чем я ожидала.

– Спасибо, наверное.

– Проходи.

Я сняла пальто и прошла в гостиную.

И сразу увидела его.

Андрей Воронцов стоял у окна, одной рукой придерживая чашку кофе, другой листая что-то в телефоне. На нём был тёмный костюм без нарочитой дороговизны, именно такой, который носят мужчины, давно переставшие что-либо доказывать одеждой. Он поднял голову на звук шагов – и я сразу узнала его, хотя раньше видела всего пару раз.

Спокойные серые глаза. Собранный лицо. Не красивый в сладком смысле. Но из тех мужчин, рядом с которыми комната почему-то становится тише.

Он убрал телефон в карман и чуть склонил голову.

– Доброе утро, Алина.

Голос у него оказался низкий, ровный, без той липкой

мягкости, которой часто пользуются мужчины, когда хотят расположить к себе женщину.

– Доброе, – ответила я.

На самом деле утро добрым не было.

Но почему-то именно в этот момент я вдруг почувствовала странную вещь: передо мной стоял человек, который, по крайней мере, не собирался делать вид, будто мой мир не рухнул.

И это уже было немало.

Глава 3. Предложение, от которого нельзя было отмахнуться

Нина Павловна никогда не любила неловкость. Она не выносила пустых пауз, бесполезных вступлений и людей, которые ходят кругами вокруг сути, как будто правда от этого станет мягче. Поэтому, как только я села в кресло у журнального столика, а Андрей Воронцов занял место напротив, она сразу поставила передо мной чашку кофе и сказала:

– Я вас познакомлю заново, хотя вы и без того друг друга видели. Алина – моя племянница. Андрей – человек, которому сейчас нужен официальный брак. На определённых условиях. Без романтического тумана. Дальше говорите сами.

И вышла.

Вот так просто.

Оставила меня в комнате с мужчиной, который, по её словам, искал жену так же спокойно, как другие люди ищут юриста или надёжного арендатора.

Я машинально взяла чашку, хотя пить не хотела. Андрей посмотрел на закрывшуюся за Ниной Павловной дверь, потом на меня.

– Она умеет создавать комфортные условия для разговора, – сказал он.

– Вы сейчас пошутили?

– Немного.

Я впервые за эти сутки почувствовала что-то похожее на живую реакцию, не связанную с болью. Не улыбку даже. Просто внутренний сдвиг. Потому что в его голосе не было ни жалости ко мне, ни превосходства, ни неловкой мужской учтивости в духе “простите, что вам приходится обсуждать такое после трудного периода”. Он говорил так, будто перед ним сидел взрослый человек, а не женщина на грани нервного срыва.

Это, как ни странно, сразу дало мне силы.

– Тогда давайте без вступлений, – сказала я. – Потому что я до сих пор не уверена, что вообще нахожусь в реальности.

Он чуть кивнул.

– Это разумно. Я тоже предпочитаю говорить прямо.

Несколько секунд он молчал, будто не подбирал слова, а просто выстраивал их в правильный порядок.

– Мне действительно нужен официальный брак. Не фиктивный в глупом смысле этого слова, а законный, с прозрачными условиями и ограниченным сроком. Я не ищу спутницу жизни таким способом и не собираюсь никого вводить в заблуждение относительно своих намерений.

– Уже неплохо, – сказала я.

– Я рад, что у нас совпадает базовое отношение к честности.

Я чуть подняла брови.

– После вчерашнего вечера честность стала моим новым фетишем.

Он не отвёл взгляд. Не сделал вид, что не понял намёка. И не полез с соболезнованиями.

– Нина Павловна сказала, что у вас сейчас непростой период, – произнёс он. – Подробности мне не нужны, если вы не захотите их рассказать сами. Но я понимаю, что предложение звучит не вовремя и, возможно, даже цинично.

– Оно звучит именно так, – честно ответила я. – Но, возможно, именно поэтому я здесь и сижу. С романтическими предложениями у меня в последнее время всё сложилось слишком плохо.

На этот раз он действительно чуть улыбнулся. Коротко. Уголком рта. И тут же снова стал серьёзным.

– Хорошо. Тогда к сути. Мой вопрос связан с семейным активом и одним юридическим ограничением, которое проще и безопаснее решить через официальный брак, чем через любые другие конструкции. Всё законно. Никаких долгов, криминала, подставных схем и авантюр. Если вы захотите обсуждать детали дальше, вам покажут все документы.

– Почему именно брак?

– Потому что в моём случае это самый понятный и защищённый вариант.

– Для вас.

– Для обеих сторон, если всё оформлено правильно.

Я отставила чашку.

– Знаете, Андрей, я взрослая женщина, а не девочка из сериала. Поэтому задам некрасивый вопрос сразу. Почему вам не подходит какая-нибудь женщина из вашего круга, которая заранее знает правила игры?

Он ответил без паузы:

– Потому что я не хочу смешивать деловую среду, личные обязательства и чужие ожидания. Потому что большинство женщин из моего круга сочтут такой союз либо оскорблением, либо прологом к чему-то большему. А мне нужен человек, который умеет отличать договорённость от мечты.

Это прозвучало не обидно. Скорее сухо и точно. И я, к собственному раздражению, поняла, что он попал в правильную точку.

– А вы уверены, что я умею? – спросила я.

– Нет, – спокойно сказал он. – Поэтому мы и разговариваем.

Я смотрела на него и чувствовала странное напряжение. Не женское. Не романтическое. А то, которое возникает, когда напротив сидит человек, от которого невозможно укрыться красивыми словами. Максим всегда оставлял пространство для недосказанности. Там, где можно было подумать, додумать, оправдать, отложить. Андрей, кажется, пространства не оставлял вовсе. И в этом было что-то опасное.

– На какой срок? – спросила я.

– Предварительно на год. Возможно, меньше. Возможно, продление по обоюдному согласию, если обстоятельства это-

го потребуют.

– Мы должны будем жить вместе?

– Предпочтительно – да. Иначе это вызовет лишние вопросы.

– То есть не просто штамп и формальности.

– Нет.

Я невольно усмехнулась.

– Великолепно. Вчера я узнала, что мой муж спит с другой. Сегодня обсуждаю бытовые условия брака с посторонним мужчиной. Если это не дно, то у жизни очень богатое воображение.

Он ответил тихо, но твёрдо:

– Иногда дном оказывается не то, что с нами происходит, а то, на что мы соглашаемся после этого.

И вот тут я впервые по-настоящему подняла на него глаза.

Фраза была не громкая, не театральная. Но она почему-то прошла сквозь меня слишком глубоко. Может, потому что я как раз и боялась одного: что от боли соглашусь на что-нибудь унижительное, лишь бы только не возвращаться в статус женщины, которой изменили и которую теперь будут жалеть.

– Продолжайте, – сказала я уже тише.

Он чуть наклонился вперёд, сцепив пальцы.

– Условия с моей стороны простые. Полная финансовая прозрачность. Отдельный договор. Отдельно прописанные обязательства. Ваше личное имущество, ваши доходы и будущие активы никоим образом не переходят под мой кон-

троль. То же самое с моей стороны. Вам предоставляется жильё, содержание в рамках заранее согласованной суммы, бытовая защищённость и свобода выхода из этого союза при нарушении условий.

– Звучит как очень дорогая аренда меня.

Он посмотрел прямо, не отводя глаз.

– Нет. Арендуют тело и удобство. Я предлагаю соглашение между двумя взрослыми людьми, которым сейчас может быть выгодно стоять рядом.

Мне не понравилось, что эта формулировка задела меня меньше, чем должна была.

Я сжала руки на коленях.

– А что именно вы ожидаете от жены?

– Присутствия. Формального статуса. Участия в тех ситуациях, где это потребуется. Умения соблюдать договорённости. Взаимного уважения. Отсутствия хаоса.

– А постель?

Он ответил сразу:

– Нет. Не условие.

Я моргнула.

Почему-то именно на этом месте мне стало не легче, а ещё неуютнее.

Потому что если бы он сказал “да”, всё стало бы проще. Понятнее. Грязнее, зато понятнее. А вот это спокойное “нет” делало предложение почти стерильным – и потому странно серьёзным.

– То есть вы хотите жену, но не женщину? – спросила я.

– Я хочу союз, в котором никто никому ничего не продаёт через иллюзии, – сказал он. – Всё остальное может либо случиться само, либо не случиться вовсе. Я не торгую чувствами. И не покупаю их.

В гостиной стало слишком тихо.

За окном прошёл трамвай. Где-то на кухне звякнула посуда – вероятно, Нина Павловна намеренно давала нам время и пространство, но не уходила далеко.

А я вдруг подумала о Максиме.

О том, как в последние месяцы он стал дёрганым, скользким, двойным. Как в его голосе появилось это вечное раздражение мужчины, которому дома мешают спокойно жить его второй жизнью. Как он говорил “у нас всё плохо”, имея в виду “я уже живу где-то ещё, а ты всё ещё мешаешь мне быть приличным человеком”.

И вот теперь напротив меня сидел мужчина, который предлагал брак без любви, без обещаний, без красивой лжи – и почему-то в этом было больше уважения, чем во всех клятвах моего настоящего мужа.

От этой мысли стало мерзко.

– Почему вы думаете, что я вообще могу на это согласиться? – спросила я.

Он ненадолго задумался.

– Не думаю. Я лишь допускаю, что для вас это может быть не самым плохим вариантом. Судя по тому, что вы пришли,

вы тоже это допускаете.

Я хотела возразить, но не смогла.

Потому что он был прав.

Я могла сколько угодно оскорбляться формой, холодом, рациональностью этого разговора, но я ведь действительно пришла. Умылась, оделась, приехала и села напротив. Значит, какая-то часть меня уже понимала: обычной, спокойной, чистой жизни после вчерашнего не будет. Сначала будет грязный переходный коридор, где всё ещё действуют старые документы, но уже умерли старые чувства.

– Мне нужно знать одну вещь, – сказала я. – Почему вы не женаты сейчас? В вашем возрасте и с вашими возможностями мужчины обычно либо давно устроены, либо сознательно избегают слова “семья”.

Он не обиделся и не усмехнулся.

– Был помолвлен. Несколько лет назад. Не сложилось.

– Из-за вас?

– В том числе.

– А подробнее?

– Нет.

Я даже чуть качнула головой.

– Очень щедро.

– Это не щедрость. Это граница.

И снова – ни одной лишней эмоции.

Станный человек.

Я пыталась понять, раздражает он меня или, наоборот,

внушает слишком опасное спокойствие. Наверное, и то и другое сразу. Такие мужчины не нравятся сразу. Они нравятся потом, когда уже поздно.

Я поймала себя на этой мысли и внутренне одёрнула себя так резко, будто кто-то чужой попытался открыть дверь в мою голову без стука.

Рано. Не туда. Не об этом вообще.

– Хорошо, – сказала я. – Тогда мой следующий некрасивый вопрос. Если вы такой честный и аккуратный, почему вам вообще пришло в голову искать женщину через родственницу, а не через юристов?

– Потому что юристы оформляют документы. А жить рядом с человеком потом приходится не им.

Это был лучший ответ за весь разговор.

Настолько лучший, что я, против своей воли, чуть улыбнулась.

Он заметил. Но не воспользовался этим.

– И всё же, – продолжила я, – вы почти меня не знаете.

– Достаточно, чтобы понимать: вы не похожи на женщину, которая станет устраивать истерики на публике или путать договор с романом.

– А дома?

– Дома мне важнее другое.

– Что именно?

– Чтобы человек не лгал.

Эти три слова упали между нами тяжело и точно.

Не знаю, услышал ли он в моём молчании отголосок вчерашнего вечера. Возможно, услышал. Возможно, просто говорил о себе. Но я вдруг поняла, что у меня внутри поднимается что-то похожее на злость. Не на него. На всю эту чудовищную иронию.

Мой настоящий муж месяцами лгал мне, прикрываясь браком по любви. А теперь посторонний мужчина предлагает мне брак по договору – и главным условием ставит отсутствие лжи.

– Это сложно? – спросил он.

– Что?

– Не лгать.

Я посмотрела на него в упор.

– Для меня – нет. Для мужчин, с которыми мне везло, apparently да.

И тут я сама поморщилась от этого внезапного английского слова.

Он спокойно произнёс:

– Вам не нужно соглашаться сегодня.

– А если я откажусь?

– Тогда вы откажетесь.

– И всё?

– И всё.

Никакого давления. Никаких “подумайте о будущем”, “такой шанс бывает раз в жизни” или “вы ведь понимаете, как вам сейчас тяжело одной”. Никакой охоты. Ни малейшей по-

пытки загнать меня в угол.

Мне стало не по себе.

Потому что свобода выбора иногда пугает сильнее, чем принуждение.

– А если я соглашусь? – спросила я.

– Тогда будет встреча с юристом. Вы изучите документы. Внесёте свои условия. Мы обсудим детали. Только после этого – решение.

– То есть даже моё согласие сейчас ничего не значит?

– Значит только готовность говорить дальше.

Я выдохнула и откинулась на спинку кресла.

Мир в последние сутки то и дело менял декорации, но суть оставалась одной: всё, что казалось прочным, оказалось временным. Всё, что выглядело естественным, оказалось случайным. А всё, что на первый взгляд казалось холодным и невозможным, почему-то внезапно обретало контуры.

Я посмотрела на свои руки. Они лежали на платье слишком спокойно. Будто принадлежали женщине, которая уже приняла решение раньше, чем успела это осознать.

– Мне нужно вернуться домой, – сказала я. – Разобраться с мужем. Забрать вещи. Понять, в каком состоянии моя жизнь хотя бы по списку предметов первой необходимости.

– Это разумно.

– И после этого...

Я замолчала.

Он не торопил.

– И после этого я готова посмотреть документы, – закончила я.

Вот теперь он кивнул чуть медленнее.

– Хорошо.

Никакого торжества. Никакой скрытой радости. Просто короткое, деловое “хорошо”, как будто мы договорились не о страннейшем браке в моей жизни, а о следующей встрече по рабочему вопросу.

И именно это почему-то окончательно убедило меня, что он не играет.

В комнату вошла Нина Павловна, словно точно чувствовала момент.

– Я так понимаю, вы не поубивали друг друга? – спросила она.

– Пока нет, – сказала я.

– Уже успех. Андрей?

– Алина готова ознакомиться с документами после того, как уладит личные обстоятельства, – ответил он.

Нина Павловна перевела взгляд на меня. Ни жалости. Ни навязчивой заботы. Только короткое внимательное молчание.

– Значит, первый этап пройден, – сказала она. – Теперь второй: тебе нужно вернуться к Максиму и не дать втянуть себя в его версию происходящего.

Я поднялась с кресла.

Тело вдруг стало тяжёлым, будто весь разговор держало

меня на каком-то внутреннем каркасе, а теперь каркас убрала.

– Звучит отвратительно, – честно сказала я.

– Так и будет, – сухо ответила Нина Павловна. – Но неприятные разговоры всё равно лучше вести в туфлях, а не на коленях.

Андрей тоже встал.

– Вас отвезти? – спросил он.

Я рефлекторно хотела отказаться. Из привычки. Из гордости. Из женского инстинкта не принимать помощь слишком быстро, чтобы потом не быть должной.

Но потом подумала о том, что мне предстоит.

О квартире.

О кухне.

О Максиме.

О его спокойном лице человека, который наверняка уже приготовил удобную версию моей боли.

– Да, – сказала я. – Отвезите.

Он взял со спинки стула пиджак, который до этого небрежно снял, и подошёл ближе. Не слишком близко. Ровно на то расстояние, которое оставляет человеку воздух.

– Тогда поедем.

Мы вышли вместе.

В прихожей Нина Павловна помогла мне с пальто и тихо, так, чтобы слышала только я, сказала:

– Запомни одну вещь. Мужчина, который предал, почти

всегда начинает говорить очень разумно. Не потому, что прав. А потому, что ему надо срочно сделать твою рану похожей на бытовую дискуссию.

Я сжала губы и кивнула.

На улице было холоднее, чем утром. Ветер шёл вдоль набережной и бил в лицо тонкой сыростью. Машина Андрея стояла у тротуара – тёмная, без вызывающей роскоши, именно такая, какая бывает у людей, привыкших к деньгам, а не играющих в них.

Он открыл передо мной пассажирскую дверь.

Я села, запахнула пальто, положила сумку на колени.

Через минуту он занял место за рулём, завёл двигатель и спросил:

– Адрес тот же?

– Да.

Машина тронулась с места.

Некоторое время мы ехали молча. За окнами тянулся мартовский город – серый, влажный, с непроснувшимися фасадами и людьми, которым, в отличие от меня, не нужно было возвращаться в дом, где закончилась их прежняя жизнь.

– Вы боитесь? – спросил он вдруг.

Я повернула к нему голову.

– Сейчас?

– Да.

Я подумала.

– Да. Но не того, чего боялась бы ещё неделю назад.

– А чего?

Я посмотрела в лобовое стекло.

– Что снова начну всё объяснять за мужчину. И предам этим саму себя.

Ответ повис в салоне между нами.

Он не сказал ничего сразу. Только сильнее сжал руль на мгновение, почти незаметно.

Потом произнёс:

– Тогда сегодня вам нужно сделать только одно.

– Что?

– Не пожалеть его раньше, чем себя.

И мне впервые за всё это время захотелось заплакать по-настоящему.

Не от боли.

От точности.

Потому что именно это я и делала в браке слишком долго: жалела Максима раньше, чем себя. Раньше, чем свою обиду, усталость, одиночество, разочарование. Всё время оставляла ему право быть сложным, уставшим, потерянным, а себе – только обязанность понимать.

Машина остановилась у моего дома.

Окна нашей квартиры были тёмными. Наверное, Максим уже ушёл на работу. Или сидел внутри и ждал, в каком настроении вернётся жена, которая всё знает. Смешно. Я всё ещё формально была его женой.

Только на бумаге.

А в машине рядом со мной сидел мужчина, который, возможно, скоро станет моим мужем по договору.

Это было безумие.

Я положила ладонь на ручку двери, но не вышла.

– Андрей.

– Да?

– Почему вы правда согласились рассматривать меня?

Он посмотрел прямо перед собой, потом перевёл взгляд на меня.

– Потому что вы не производите впечатление женщины, которую нужно спасать, – сказал он. – А с теми, кого “спасают”, почти всегда потом приходится расплачиваться.

Я несколько секунд молчала.

Потом кивнула.

– Понятно.

– Это не комплимент, – добавил он.

– Тем лучше.

Я открыла дверь и вышла.

Холодный воздух ударил в лицо.

Подняв голову на окна квартиры, я вдруг очень ясно поняла: сейчас мне придётся войти не в дом, а в пространство после предательства. И если я выйду оттуда другой – это будет уже моя заслуга, а не чья-то милость.

Я сделала шаг к подъезду.

Телефон в кармане завибрировал.

Сообщение от Максима.

“Я дома. Нам надо поговорить.”

Конечно.

Я медленно выдохнула и вошла внутрь.

Глава 4. Условия, которые должны были защитить нас обоих

Пока лифт поднимался на восьмой этаж, я смотрела на своё отражение в металлической двери и думала, что лицо у меня стало чужим.

Не заплаканным. Не сломанным. Хуже – собранным.

Так выглядят люди, которые уже всё поняли, но ещё не успели это пережить.

Когда двери лифта разъехались, на площадке пахло пылью, чьим-то супом и старой краской. Обычный запах обычного подъезда. Я дошла до квартиры, вставила ключ в замок и на секунду замерла.

Мне вдруг очень отчётливо вспомнилось, как я когда-то впервые сюда входила после свадьбы. С букетом белых цветов, в новых туфлях, с нелепым чувством взрослости. Тогда мне казалось, что дом начинается не с мебели и даже не с любви – а с уверенности, что тебя здесь ждут. Какая наивная роскошь.

Я открыла дверь.

Максим действительно был дома.

Он сидел на кухне за столом в сером джемпере, с кружкой кофе и тем выражением лица, которое раньше казалось мне мужественным спокойствием, а теперь выглядело про-

сто хорошо натренированным самоконтролем. На столе не было ничего лишнего. Ни вчерашней миски с тестом, ни яблок, ни следов моего шока. Кухня была аккуратно прибрана, будто ночью здесь не развалился брак, а всего лишь пролили чай.

Конечно. Он уже успел навести порядок.

Мужчины вообще любят порядок после собственного морального свинства. Им кажется, что если вытереть стол, сложить тарелки и сесть ровно, разговор станет цивилизованным, а предательство – почти бытовым вопросом.

– Привет, – сказал он.

Я закрыла за собой дверь и медленно сняла пальто.

– Не говори мне “привет”, как будто я вышла за хлебом.

Он поморщился.

– Я не хотел начинать с конфликта.

– А с чего ты хотел? С кофе?

Я прошла на кухню, но не села. Поставила сумку на стул и обвела взглядом комнату. Всё было на своих местах. Даже полотенце висело ровно. В такие моменты особенно ясно понимаешь: быт способен пережить почти всё. Даже правду.

Максим отставил кружку.

– Нам надо нормально поговорить.

– Ты написал мне это уже несколько раз. Что для тебя “нормально”, Максим?

– Без истерик, обвинений и демонстративных уходов.

Я усмехнулась.

– То есть по твоим правилам.

– По человеческим.

– Нет. По удобным для тебя.

Он встал. Не резко. Осторожно. Как будто подходил к нервной собаке, которую не хотел спугнуть.

– Алина, давай хотя бы попробуем без вот этого.

– Без чего? Без того, что ты мне изменял?

– Я не отказываюсь от разговора.

– Но очень хочешь отмыть его до состояния “сложной ситуации”.

Он провёл ладонью по подбородку. Я уже знала этот жест. Так он делал всегда, когда раздражался, но хотел выглядеть спокойным.

– Хорошо, – сказал он. – Давай прямо. Да, у меня были отношения на стороне. Я не горжусь этим. Но я не считаю, что всё сводится к одному факту измены.

– Разумеется, – тихо ответила я. – Ведь если мужчина изменяет, это всегда очень многослойно. Надо обязательно обсудить, как ему было непросто.

– Перестань.

– Нет, это ты перестань разговаривать со мной так, будто я обязана анализировать твои мотивы раньше, чем свою боль.

Он замолчал. На секунду в его лице мелькнуло что-то настоящее – усталость, может быть даже злость. Но не раскаяние. Я ждала его с прошлого вечера и только теперь до конца поняла: раскаяния не будет. Этот человек уже слишком

далеко от меня ушёл внутренне. Он не чувствовал вины так, как чувствует её тот, кто ещё дорожит тем, что разрушил. Максим чувствовал только неудобство.

– Я не хотел, чтобы всё вышло так, – сказал он наконец.

– А как ты хотел? – спросила я. – Составить график моего унижения? После налогового периода? После отпуска? Когда твоя Лена решит, что уже устала ждать?

Его лицо дёрнулось.

– Не называй её “моя Лена”.

Я замерла.

И вот именно это снова ударило сильнее, чем мог бы ударить прямой ответ.

Не “прости”.

Не “я виноват”.

А “не называй”.

Удивительно, как быстро мужчина начинает защищать ту женщину, ради которой разрушил другую.

– Понятно, – сказала я. – Уже защищаешь.

– Я никого не защищаю. Просто не надо превращать разговор в базар.

– А что это тогда? Клуб моральной дипломатии?

Я всё-таки села. Не потому, что успокоилась. Просто поняла: разговор будет долгим, а падать от слабости посреди кухни я не собиралась.

Максим тоже сел напротив.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга поверх сто-

ла, за которым ели, ссорились, мирились, строили бюджет, решали, куда поехать летом и какую кровать купить в спальню. Обычный семейный стол. До смешного мирный предмет для такого разговора.

– Я хочу понять, что ты собираешься делать, – сказал он.

– Я?

– Да, ты.

– Ничего себе. То есть изменяешь ты, а план действий нужен от меня.

– Не передёргивай.

– Я даже не начала. Я только слушаю, как ты уже второй день пытаешься превратить свою подлость в совместную задачу.

Он резко выдохнул.

– Хорошо. Что ты хочешь услышать? Что я виноват? Да, виноват. Что всё зашло слишком далеко? Да. Что я не планировал, чтобы ты узнала вот так? Да. Что мне жаль? Да.

Я молчала.

Поздно.

Слишком гладко. Слишком собранно. Слишком похоже на текст, который он проговорил про себя по дороге с работы или, может быть, в душе утром, пока мылся перед сложным разговором.

– Это всё? – спросила я.

– Нет, не всё. Но я не понимаю, что изменит, если мы будем сидеть и добивать друг друга.

– Меня уже доби́ли, Максим. Ты просто пытаешься сделать вид, что удар был не такой уж сильный.

Он наклонился вперёд.

– Я не хочу, чтобы ты сейчас принимала решения сгоряча.

– А я не хочу жить с мужчиной, который спит с другой женщиной и при этом учит меня не спешить.

– Ты сейчас не в состоянии мыслить рационально.

Я посмотрела на него и вдруг почти физически ощутила, как во мне умирает что-то последнее – не любовь даже, а привычка считать его умнее и устойчивее себя.

Это был его старый способ.

Когда я злилась – он становился “спокойным”.

Когда мне было больно – он становился “разумным”.

Когда я пыталась назвать вещи своими именами – он становился “взвешенным”.

И на фоне этой постановочной взрослости я всегда выглядела слишком чувствительной, слишком эмоциональной, слишком женской. Удобный трюк. Особенно если долго на нём держится брак.

– Нет, – сказала я очень тихо. – Это ты много лет приучал меня думать, что рациональность принадлежит тебе. А сейчас я впервые вижу, что ты просто лучше меня в самооправдании.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел в сторону.

Попала.

– И что дальше? – спросил он уже суше. – Ты подаёшь на

развод?

Я задержала дыхание.

Вот оно.

Слово наконец прозвучало вслух. Без завитков. Без “паузы”, “переосмысления”, “отдельно поживём”. Развод.

Я думала, мне станет больнее. Но стало, наоборот, яснее.
– Да, – сказала я.

Он перевёл взгляд обратно на меня. Наверное, ждал колебаний. Может быть, надеялся, что я скажу “не знаю”, “наверное”, “мне нужно время”. Но я вдруг поняла, что время как раз и съело меня последние месяцы. Я всё время давала браку отсрочку, которого он давно уже не заслуживал.

– Ты уверена? – спросил он.

– А ты нет?

Он промолчал.

И это было ответом.

Не уверена, значит, должна была быть я. Он – нет. Он уже успел пожить в двойной жизни, примерить вариант без меня, поиграть в свободу с запасным аэродромом в виде общего дома. А вот я только сейчас должна была красиво и без шума подтвердить его удобный переход.

Нет.

– Когда ты собирался мне сказать? – спросила я.

– Я не знаю.

– Врёшь.

Он сжал губы.

– Я не был готов.

– К чему? К честности? Она же у тебя, видимо, по абонементу – только когда удобно.

– Алина...

– Нет, ответь. Ты собирался уходить к ней?

Он долго молчал. Я видела, как в нём идёт работа: что сказать, чтобы не выглядеть окончательной мразью, но и не соврать слишком топорно.

– Я пока ничего не решил, – сказал он.

Я даже улыбнулась. Настолько бессовестно это прозвучало.

– Конечно. Зачем решать? У тебя же было всё. Жена дома, любовница на стороне, комфорт посередине. Это мне почему-то одной теперь надо срочно решать, где жить и кем быть дальше.

Он впервые повысил голос:

– Я не выставял тебя на улицу!

– Нет. Ты просто месяцами уничтожал всё, что делало это место домом.

На кухне стало тихо.

Слишком тихо.

Я слышала, как в ванной капает кран. Как за стеной у соседей передвинули стул. Как у меня самой сбивается дыхание. Мир продолжал существовать с оскорбительной обычностью.

Максим встал и подошёл к окну. Постоял ко мне спиной.

– Я не хочу войны, – сказал он.

– А я не хочу мира, построенного на том, что ты меня унизил, а я должна вести себя красиво.

– Я не прошу тебя вести себя красиво.

– Просишь. С самого начала. “Не начинай”, “без истерик”, “не принимай решений сгоряча”, “давай нормально поговорим”. Всё это значит одно: сделай так, чтобы мне было проще пережить последствия моих поступков.

Он медленно обернулся.

– Ты несправедлива.

И вот тут я вдруг почувствовала не ярость.

Холод.

Тот самый, опасный, чистый холод, после которого женщина либо окончательно ломается, либо собирается в новый позвоночник.

– Нет, – сказала я. – Несправедливым было то, что ты делал со мной, пока я ещё думала, что у нас брак. А сейчас я просто наконец начала считать.

Его лицо стало жёстче.

– Хорошо. Тогда давай считать. Квартира оформлена на нас обоих. Машина – на меня. Вклады у каждого свои. Если ты хочешь официальный развод, придётся всё обсуждать спокойно и через юристов. Иначе мы только сделаем хуже.

Вот и пришли к сути.

Не к чувствам. Не к предательству. К юристам.

Я даже не удивилась.

– Через юристов – значит через юристов, – сказала я. – Меня это устраивает.

Он, кажется, не ожидал такого быстрого согласия.

Наверное, рассчитывал на эмоции. На то, что я начну цепляться за стены, фотографии, общие годы. Что скажу: “Я не хочу делить квартиру”. Что испугаюсь. Что хотя бы попрошу оставить всё как есть на время.

Но во мне уже что-то переключилось.

Возможно, после разговора с Андреем.

Возможно, после ночи у Кати.

Возможно, просто потому, что предел унижения всегда рано или поздно становится пределом страха.

– Хорошо, – повторил он. – Тогда без глупостей.

– Каких именно?

– Без попыток всё осложнить. Без давления через родственников. Без скандалов. Без...

Он запнулся.

– Без чего?

– Без того, чтобы ты делала вид, будто я чудовище.

Я уставилась на него так долго, что ему пришлось отвернуться.

Вот она. Главная мужская боль. Не то, что он причинил. А то, каким он будет выглядеть после этого в чужих глазах.

– Ты правда сейчас это сказал? – тихо спросила я.

– Я не хочу, чтобы ты настраивала всех против меня.

– Максим, тебе даже не я нужна, чтобы выглядеть чудо-

вищем. Тебе хватило собственных действий.

Он подошёл к раковине, налил себе воды, выпил. Руки у него дрожали. Едва заметно, но дрожали. И я впервые подумала: а ведь он тоже боится. Только не меня потерять. А потерять привычную конструкцию своей жизни, в которой всё было распределено удобно. Я – законная жена, дом, порядок, статус. Та – адреналин, страсть, подтверждение его мужской нужности. И вот теперь конструкция треснула, а он ещё не понял, как собрать её заново с минимальными потерями.

Мне стало противно.

– Я заберу часть вещей сегодня, – сказала я. – Остальное потом.

– Ты собираешься жить у Кати?

Я резко подняла голову.

– А ты уже выяснил?

– Я позвонил ей утром.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается волна.

– Ты что сделал?

– Просто хотел знать, где ты.

– Не смей больше лезть в моё пространство через моих людей. Ты потерял это право вчера.

– Я волновался.

– Нет. Ты контролировал.

Он ничего не ответил. И этим опять подтвердил, что я права.

Я встала и пошла в спальню. Он не пошёл за мной сразу,

и за это я была ему почти благодарна.

Комната выглядела точно так же, как вчера. Наша кровать. Мой плед на кресле. Его часы на тумбочке. Флакон моих духов. Две жизни, ещё вчера считавшиеся общими, а теперь разъехавшиеся по разным моральным адресам.

Я открыла шкаф и начала складывать вещи.

На этот раз аккуратнее.

Платья. Бельё. Косметика. Папка с документами. Ноутбук. Зарядки. Небольшая шкатулка с украшениями, которые дарила себе сама, потому что от Максима за последние годы я всё чаще получала не подарки, а дежурные подтверждения даты в календаре.

Он вошёл, когда я застёгивала чемодан.

– Алина.

Я не повернулась.

– Что?

– Я не хотел, чтобы всё так закончилось.

Я закрыла глаза.

Как удобно мужчины формулируют сожаление в безличной форме. “Всё так закончилось.” Будто брак умер сам, тихо, от естественных причин, а не был медленно удушен ложью.

– Это не “закончилось”, Максим. Это ты закончил.

– Ты сейчас всё упрощаешь.

– Нет. Я впервые убираю лишнее.

Он подошёл ближе. Я чувствовала его присутствие кожей

и от этого только сильнее сжимала ручку чемодана.

– Я не был счастлив последние годы, – сказал он.

Я медленно повернулась.

– И поэтому сделал несчастной меня?

– Не передёргивай. Ты тоже это чувствовала.

– Что именно?

– Что между нами всё умерло.

Я смотрела на него и не могла отделаться от одной мысли: даже сейчас он пытается втянуть меня в соавторство собственного предательства.

Да, у нас было плохо.

Да, мы отдалились.

Да, стали чужими.

Но всё это не делало измену совместным решением.

– Даже если бы всё между нами умерло, – сказала я, – у тебя был выбор выйти из брака раньше, чем лечь в чужую постель. Но ты выбрал не свободу. Ты выбрал двойную жизнь. Потому что она удобнее.

Он отвёл взгляд.

И снова – молчание. Всегда молчание там, где должна быть правда.

Я застегнула чемодан до конца и выкатила его в коридор. Максим шёл следом.

– Когда ты подашь? – спросил он.

– На развод? Скоро.

– Давай без мести, Алина.

Я остановилась и посмотрела на него.

– Ты до сих пор думаешь, что женщина, которая не хочет жить с изменником, мстит? Это не месть. Это санитария.

Он усмехнулся. Криво, устало.

– Ты стала жёсткой.

– Нет. Я стала точной.

В прихожей я наклонилась за сумкой, и в этот момент из кармана пальто выпал телефон. Экран загорелся. Максим машинально бросил взгляд.

И увидел входящее сообщение.

От Андрея.

“Если разговор закончится плохо, позвоните. Я приеду.”

Повисла тишина.

Та самая, после которой в воздухе меняется состав.

Я медленно подняла телефон.

Максим смотрел не на меня – на экран.

– Это кто? – спросил он.

Я выпрямилась.

– Не твоё дело.

Он вскинул голову.

– Ты серьёзно?

– Более чем.

– Ты уже нашла себе замену?

Вот тут я чуть не рассмеялась прямо ему в лицо.

Невероятно. Просто невероятно.

Мужчина, который месяцами спал с другой, стоял в прихожей нашей квартиры и с правом оскорблённого собственника задавал мне вопросы о другом мужчине.

– Даже если бы и так, – сказала я, – у тебя нет ни морально-го, ни человеческого права сейчас что-то мне предъявлять.

– Значит, всё уже было? – голос у него стал ниже, опаснее. – Ты поэтому так легко всё решила?

Я смотрела на него с таким изумлением, что злость на секунду отступила.

– Господи, Максим. Ты правда хочешь сейчас спастись тем, что заподозришь в грязи меня?

– Я просто спрашиваю.

– Нет. Ты хватаешься за шанс перестать быть единственным виноватым.

Он шагнул ближе.

– Кто это?

И тут случилось то, чего он явно не ожидал.

Я не отступила.

Не испугалась.

Не начала оправдываться.

Просто очень спокойно сказала:

– Мужчина, который хотя бы не врёт мне в глаза.

Он замер.

А я вдруг поняла, что это правда. Пока ещё страшная, сырая, непонятная – но правда.

Андрей ничего мне не обещал. Не изображал любовь. Не

просил подождать, потерпеть, понять. Он просто предложил честные условия. И после двенадцати лет женской привычки жить между недосказанностями это звучало почти как роскошь.

Максим сжал челюсть.

– Ты с ума сошла.

– Возможно. Но это всё равно лучше, чем оставаться здесь и делать вид, что ты просто запутался.

Я открыла дверь.

Он стоял в прихожей, бледный, злой, растерянный. И в эту секунду впервые за всё время выглядел не сильным мужчиной, а человеком, который внезапно понял: жена, которую он давно считал предсказуемой, вышла из его сценария.

– Алина, – сказал он резко. – Если ты сейчас начнёшь делать глупости, потом не откатишь назад.

Я обернулась.

– А вот ты, Максим, уже сделал. И давно.

Я вышла и закрыла за собой дверь.

На лестничной площадке было прохладно. Сердце колотилось так, будто я не спускалась к лифту, а бежала. Пальцы дрожали, но внутри – впервые за эти дни – не было каши. Была ясность. Боль никуда не делась. Унижение тоже. Но сквозь всё это начало проступать что-то новое.

Граница.

Я зашла в лифт, нажала кнопку первого этажа и только тогда посмотрела на телефон.

Сообщение от Андрея всё ещё светило на экране.

Я несколько секунд думала, потом набрала:

“Разговор закончился. Плохо, но полезно.”

Ответ пришёл почти сразу.

“Это обычно одно и то же.”

Я почему-то закрыла глаза и прислонилась затылком к стенке лифта.

Да.

Похоже, в моей новой жизни это и правда будет одно и то же.

А вечером мне предстояло встретиться с юристом и впервые в жизни обсуждать условия брака так, как будто я не невеста и не жена, а взрослая женщина, которая больше не собирается входить в отношения без защиты.

Глава 5. Я подписывала бумаги, а дрожали руки

С юристом Андрей назначил встречу на тот же вечер.

Не через неделю. Не “когда вы придёте в себя”. Не “после того, как улягутся эмоции”. И, как ни странно, именно это мне понравилось. После измены время перестаёт быть мягким. Оно уже не лечит. Оно только растягивает грязную паузу между тем, что разрушилось, и тем, что должно быть построено заново. А я больше не хотела жить в паузе.

К вечеру я уже почти ничего не чувствовала. Такое бывает после сильного удара: боль никуда не девается, но организм прячет её под стекло, чтобы ты мог хотя бы ходить, говорить и не упасть посреди улицы. Я сидела у Кати на кухне, держала в руках ложку и механически размешивала йогурт, который так и не стала есть.

– Ты выглядишь как женщина, которая за одни сутки успела предать, развестись, снова выйти замуж и овдоветь, – сказала Катя, ставя передо мной воду.

– Спасибо. Ты всегда умеешь поддержать.

– Я не поддерживаю. Я диагностирую.

Я подняла на неё глаза.

– Я еду к юристу.

Она села напротив и несколько секунд просто смотрела

на меня. Не осуждающе. Не с ужасом. Как человек, который пытается понять, насколько далеко зашёл пожар и стоит ли уже тащить на улицу документы.

– Настолько серьёзно? – спросила она.

– Настолько.

– И ты правда это рассматриваешь?

Я подумала. Потом ответила честно:

– Я не знаю, рассматриваю ли я это как брак. Но как единственную форму разговора, где мужчина сразу называет условия, а не прячет их под романтический туман, – да.

Катя криво усмехнулась.

– Мрачный у тебя начался этап взросления.

– У меня не этап взросления. У меня этап санитарной обработки после иллюзий.

Она покивала, словно приняла формулировку.

– Ладно. Тогда я скажу неприятное. Не соглашайся из-за мести.

– Я знаю.

– Не соглашайся из страха.

– Знаю.

– И не соглашайся только потому, что он, в отличие от Максима, говорит честно. После лжецов честность иногда кажется любовью.

Я замерла.

Вот это было точное попадание.

После лжецов честность действительно может опьянять.

Особенно женщину, которая так долго жила в режиме вечного додумывания за мужчину, что прямые слова начинает воспринимать как почти интимный жест.

– Спасибо, – тихо сказала я.

– За что?

– За то, что ты не пытаешься меня остановить.

Катя пожала плечами.

– Я не знаю, надо ли тебя останавливать. Иногда женщинам полезно один раз в жизни подписать что-то с ясной головой, а не сердцем в тумане.

В шесть тридцать за мной приехала машина.

На этот раз я уже не удивилась точности Андрея. Он не писал “я подъезжаю”, не уточнял, удобно ли мне, не присылал многоточий, смайлов и мужской фальшивой вежливости, в которой всегда слышится скрытое требование быть благодарной. Просто в шесть двадцать семь пришло сообщение:

“Я внизу.”

Я спустилась, села в машину и сразу заметила на переднем сиденье плотную чёрную папку.

Документы.

От одного её вида у меня холодело под рёбрами.

Андрей посмотрел на меня, когда я пристегнулась.

– Передумали? – спросил он.

– Пока нет. Но, возможно, начну через десять минут.

– Это нормальная реакция.

– Удивительно. Вы, оказывается, знаете про нормальные реакции.

Он чуть повернул голову. В уголках глаз мелькнуло что-то вроде сдержанной усмешки.

– В умеренных дозах.

Машина плавно тронулась. За окнами тянулся сырой вечерний город, фонари расплывались в мокром стекле, а я смотрела на папку и думала о странной вещи: в первый раз, когда я выходила замуж, мне никто не показывал никаких документов, кроме заявления и свидетельства. Я не просила условий, не думала о защите, не спрашивала, как именно мужчина собирается обращаться с моей жизнью после штампа. Я просто любила. Или думала, что люблю. А теперь ехала обсуждать брак, как взрослый контракт, и чувствовала себя одновременно униженной и неожиданно трезвой.

– Где встреча? – спросила я.

– У моего юриста. Это недалеко.

– Вы всегда так всё организуете?

– Стараюсь.

– Не устаёте жить как человек, у которого даже хаос записан в ежедневник?

Он ответил не сразу.

– Хаос плохо кончается.

Эта фраза прозвучала слишком ровно, чтобы быть случайной. Я повернула к нему голову, но он уже снова смотрел на дорогу. И я поняла: да, у этого мужчины есть своя

история, о которой он пока не говорит. История, после которой он стал таким собранным, сухим и почти подозрительно честным.

Мы приехали в старый деловой особняк на Петроградской стороне. Тихий, тёмно-серый фасад, латунная ручка, холл без показной роскоши, но с тем дорогим, уверенным спокойствием, которое не нуждается в демонстрации. Лифт поднял нас на четвёртый этаж.

Юристом оказалась женщина.

Я почему-то сразу выдохнула.

Не потому, что женщина обязательно безопаснее. А потому, что мне не хотелось сидеть третьей в комнате, где двое мужчин деловито обсуждают, как лучше оформить меня в качестве временной жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.